Пока земля еще вертится...

о ком говорят

Bek.-1997,-N21, -c.1

Даниил ДАНИН

...В праздничный вечер 12 июня по всем телевизионным каналам— нежданная-негаданная тревожная весть из Парижа: там, в реанимационной военного госпиталя, лежит Булат Окуджава— ему плохо. И голоса дикторов не скрывают; ему очень плохо— врачи отказываются от прогнозов.

Началась вечерняя телефонная перекличка друзей: неужели его не станет? Неужели там, в Париже, сейчас уходит от нас всего только семидесятитрехлетний гений поэзии-музыки, всегда казавшийся нетленным?! Неужели нынешней ночью в далеком далеке от Москвы

Две странницы вечных —

любовь и разлука поделятся с нами сполна...?

Поделились! Рано угром оповестил об этом телефонный звонок приятеля. И вот уже надо продолжать свое стариковское житье-бытье, делать свои дела и предаваться своему безделью с неотгоржимой мыслью, что Булата Окуджавы — великого мастера жизни и великого утепьителя — больше на свете нет.

Выполэли на бумагу эти три слова «нет на свете» — и тотчас стало ясно, что они — поминальный вздор. Как же «нет», когда он ЕСТЬ — и не просто в своих книгах, магнитофонных записях, видеокассе-

тах, а в наших ДУШАХ! В миллионах наших навсегда ему благодарных, еще живых и любящих его душ...

Почти двадцать лет назад он написал музыку-стихи, которых рано или поздно не мог не написать, — «Песенку о Моцарте»:

...Моцарт отечества

не выбирает —

просто играет всю жизнь напролет.

…Ах, ничего, что всегда, как известно, наша судьба— то гульба, то пальба... Не расставайтесь с надеждой магстро,

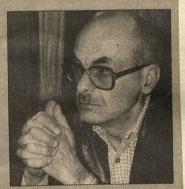
не убирайте ладони со лба.

Он никогда не расставался с надеждой, как бы худо ни бывало ни ему самому, ни его отечеству. И думаю, он сознавал свое моцартианство, а мы — его современники это моцартианство опущали в нем непрерывно. Поражались его одаренности и единственности. И всегда хотели, чтобы не убирал он ладони со лба: всегда ждали «нового Окуджаву» — еще, еще, еще... Когда он пел под тихую свою гитару, всем жаждалось, чтобы вечер не кончался и не одолевала его устапость.

ЕДИНСТВЕННОСТЬ — это, пожалуй, самое существенное, что хочется кратчайше сказать о его музыкально-поэтическом даре. Он писал еще превосходную прозу, но тут был сравним с другими мастерами нашей литературы. А в поэзии-музыке почти полвека оставался несравненным и не сравнимым ни с кем. Он не принадлежал ни к какой школе, ни к каким направлениям, ни к каким «измам». Он принадлежал только самому виду Хомо Сапиенс. И был действительно ЧЕловеком мыслящим. Нетривиально, не «как положено», не как все! И воистину удивительно: он, единственный, пришедший в нашу поэзию и музыку, право же, неизвестно откуда, привел за собой целое поколение бардов, чьи имена делают честь и ему: Александра Галича, Владимира Высоцкого, Новеллу Матвееву. Уверен: их не было бы, если бы вначале не было его.

И эти несколько поминальных строк о нем надо, конечно, завершить его незабвенными строками. Выбор замечательного так широк, как ни у одного современного поэта. Я приведу строки, написанные в 1963 году в ознаменование 500-летия исчезновения в неизвестность гениального бедолаги Франсуа Вийона:

Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет, Господи, дай же ты каждому, чего у него нет... Пока Земля еще вертится,—

господи, твоя власты! --дай рвишемися к власти навластвоваться всласть... Я знаю, ты все имеешь. Я верую в мудрость твою, как верит солдат убитый, что он проживает в раю. Как верит каждое ухо тихим речам твоим, как веруем и мы сами, не ведая, что творим! Господи, мой боже, зеленоглазый мой, Пока Земля еще вертится, и это ей странно самой, пока еще ей хватает времени и огня, дай же ты всем понемноги... и не забидь про меня.

Милый Булат, вслед за зеленоглазым Господом мы не забудем Вас, пока будем вертеться вместе с Землей.